

РОССИЯ И ВОСТОК

УДК 94

Н.А. Самойлов

ВИЗИТЫ КИТАЙСКИХ И ЯПОНСКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ МИССИЙ В РОССИЮ В ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.: КОММУНИКАЦИОННЫЙ КОД СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Основные события истории российско-китайских и российско-японских отношений к настоящему времени уже достаточно хорошо изучены. Однако исследователи обращали свое внимание в первую очередь на ключевые моменты этой истории: подписание договоров, погранично-территориальные проблемы, вопросы торговли. Если же результатом поездки дипломатов не становилось подписание какого-либо судьбоносного документа, историки обычно обходили данные межгосударственные контакты своим вниманием.

Однако изучение деталей этих практически забытых сегодня миссий может быть интересно прежде всего с точки зрения рассмотрения взаимодействия различных по своей сути социумов и культур.

В середине XIX в. произошли события, которые буквально вырвали Китай и Японию из состояния многовековой культурной обособленности, разрушив традиционную для Восточной Азии систему международных связей и иерархию приоритетов в международных отношениях. Плачевные для Цинской империи результаты «опиумных» войн вынудили Китай открыть свои порты для иностранной торговли и начать развитие дипломатических контактов со странами Запада в формах, ранее неприемлемых для «Срединного государства». В 1850-е годы сходная ситуация складывалась и в Японии: страна постепенно опутывалась сетями неравноправных договоров, а бакуфу было вынуждено принимать условия и правила ведения дипломатических отношений, навязывавшиеся иностранными державами.

Для того чтобы лучше понять ситуацию за пределами Восточной Азии и больше узнать о жизни стран Запада, правительства цинского Китая и предмэйдзийской Японии приняли решения о направлении специальных миссий в Европу и Америку. Россия вошла в число стран, которые планировали посетить посланники из стран Дальнего Востока.

В ходе визитов отчетливо проявлялись социокультурные особенности представителей разных народов как носителей принципиально различных культурных кодов. В этой ситуации можно с уверенностью говорить, что подобные миссии объективно выполняли роль своеобразных посредников между разными культурами и становились своего рода трансляторами коммуникационного кода социокультурного взаимодействия. Безусловно, данные процессы происходили как во взаимоотношениях Китая и Японии с Россией, так и при их контактах с другими европейскими странами.

Изучение соответствующего исторического материала дает нам возможность определить коммуникационный код как совокупность тех элементов кода культуры (цивилизационного кода), которые передаются (или готовы для передачи) в процессе социокультурного взаимодействия. Большая роль в данном процессе принадлежит трансляторам коммуникационного кода, которые, являясь носителями данной культуры или ее интерпретаторами, определяют ее восприятие и способствуют лучшему пониманию ее компонентов.

В XVIII в. коммуникационным каналом российско-китайского социокультурного взаимодействия, безусловно, являлась торговля, способствовавшая распространению в обеих странах элементов материальной и духовной культуры Китая и России, а своеобразным аттрактором, в котором происходил процесс формирования коммуникационного кода того времени, следует признать Кяхту, где на протяжении десятилетий фокусировались основные процессы социокультурного взаимодействия двух стран. Для Западной Европы, и в первую очередь для Британии, аналогичным аттрактором являлся в то время порт Гуанчжоу (Кантон), а коммуникационным каналом — кантонская система торговли. Важную роль в формировании и трансляции коммуникационного кода играли в указанный период миссионеры: Российская Духовная Миссия в Пекине и представители ордена иезуитов, сыгравшие огромную роль в распространении знаний о Цинской империи и формировании образа Китая в Западной Европе и России.

В российско-японских отношениях, в силу длительного периода закрытости Страны восходящего солнца, подобный коммуникационный код отсутствовал. В свою очередь, Западная Европа в XVII — первой половине XIX в. сохраняла ограниченный коммуникационный канал, в котором в роли транслятора выступали голландцы, сохранившие за собой право ограниченных торговых контактов с Японией, а аттрактором социокультурных контактов и местом формирования коммуникационного кода на длительное время стал порт Нагасаки.

В третьей четверти XIX в., правда, на непродолжительный период времени, функцию трансляторов коммуникационного кода стали объективно выполнять китайские и японские посольства на Запад, в том числе в Россию, а аттрактором коммуникационного кода социокультурного взаимодействия России и стран Восточной Азии переместился в столицу Российской империи — Санкт-Петербург¹.

В 1862 г. произошло важное событие в истории российско-японских отношений: в Петербург прибыла первая официальная японская дипломатическая миссия во главе с Чрезвычайным Посланником и Полномочным Министром Такэноути Ясунори — губернатором провинции Симоцукэ. Эту миссию, насчитывавшую в своем составе 40 человек, в современной литературе принято считать первым японским посольством в европейские страны². В ее состав в качестве одного из переводчиков входил буду-

ший выдающийся японский просветитель и общественный деятель Фукудзава Юкити. Целью миссии было знакомство с жизнью зарубежных стран и ратификация подписанных с западными державами договоров. Миссия посетила Францию, Великобританию, Нидерланды, Пруссию и в конце своего путешествия — Россию. Маршрут данной миссии пролегал через Гонконг, Сингапур, остров Цейлон, Аден, Суэц, Александрию и Средиземное море.

Российское правительство, оценив историческое значение данного визита, организовало японскому посольству торжественную встречу. По личному приказу шефа российского флота Великого князя Константина Николаевича русский корабль «Смелый» 24 июля 1862 г. в Свиномюнде (Восточная Пруссия) принял на борт японскую делегацию. В море их встретил русский фрегат «Император Николай I» и пятнадцать выстрелами приветствовал японских посланников.

28 июля на кронштадтском рейде посольство пересело на придворный пароход «Стрельна», на котором в сопровождении церемониймейстерских помощников и чиновников Азиатского департамента Министерства иностранных дел России направилось в Петербург. Корабль пришвартовался у причала на Английской набережной. Прямо к трапу для Такэноути была подана золоченая карета, высокого гостя приветствовал почетный караул. На всем пути от пароходной пристани японское посольство сопровождали в качестве почетного эскорта эскадрон кавалерии и жандармская команда из 16 жандармов.

Еще задолго до прибытия в Петербург японского посольства российские чиновники и приближенные императора начали обсуждать вопрос о том, как лучше принять и где разместить гостей из Японии. Был сделан запрос российским дипломатическим представителям в тех странах, которые уже посетило посольство во главе с Такэноути. Из полученных ответов стало ясно, что наиболее торжественно японскую делегацию принимали в Париже. Русский посол во Франции П.Д. Киселев сообщал: «Французское правительство имело в виду произвести приятное впечатление на представителей империи, которая впервые заключает дружеские сношения с Францией» [4. Оп. 3. Д. 326. Л. 10]. В Санкт-Петербурге также хотели произвести хорошее впечатление на японских гостей теплым и радушным приемом и ни в чем не отстать от французов, тем более что в Лондоне прием был весьма прохладным.

В Лондоне и Париже японскую делегацию размещали в гостиницах. В Петербурге было решено подобрать для этой цели дворец, поскольку министр Императорского Двора граф Адлерберг сделал серьезное замечание по поводу состояния тогдашних петербургских гостиниц, отметив, что «здешние гостиницы так далеко отстали по устройству своему от гостиниц парижских и лондонских, что разница эта может произвести невыгодное впечатление на сих послов» [5. Оп. 15. Д. 4. Л. 11]. Поэтому для размещения японской делегации был избран Запасной дворец.

До недавнего времени исследователи не обладали точной информацией о том, где располагался этот дворец в то время, когда в нем разместилось японское посольство. По данному поводу велись споры и дискуссии. Дело в том, что в современной литературе и справочниках Запасным дворцом признается дом на Дворцовой набережной (дом № 30), входящий сейчас в число зданий Эрмитажа. Однако, как ныне установлено, в XIX в. в качестве Запасного дворца использовались в разное время по меньшей мере три здания на Дворцовой набережной (дома № 26, 28 и 30).

Специально проведенные исследования приводят нас к следующим выводам. В се-

редине XIX в. Запасным дворцом, безусловно, служил дом № 26 по Дворцовой набережной. Это подтверждают документы, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве (РГИА). В документах указывается, что в 1843 г. в этом здании, именуемом «домом бывшего французского посольства», были проведены ремонтные работы [3. Оп. 1. Д. 40]. 18 января 1844 г. последовало распоряжение императора Николая I: «Высочайше повелено именовать Дом бывшего Посольства: Дворцовый Запасной дом» [4. Оп. 14. Д. 481. Л. 1]. В 1845 г. там вновь проводились ремонтные работы — уже как в Запасном дворце (официальное название — Дворцовый Запасной дом) [3. Оп. 1. Д. 49].

В фондах РГИА хранятся «Описи по Дворцовому Запасному дому с определением ежегодного для него ремонта» за 1862 и 1863 гг., полностью подтверждающие версию, что во время пребывания в Санкт-Петербурге японского посольства во главе с Такэноути Запасной дворец располагался по адресу: Дворцовая набережная, д. 26³.

Именно сюда и направилась японская делегация с пристани. Кортёж, состоявший из восьми четырехместных карет, запряженных четверками и шестерками лошадей, проследовал по Английской набережной, Исаакиевской и Адмиралтейской площадям, проехал по Дворцовой набережной мимо Зимнего дворца и остановился перед зданием Запасного дворца, который был определен местом временного пребывания посольства в Санкт-Петербурге. Накануне приезда японской делегации во дворце произвели ремонт, так как перед этим он некоторое время пустовал. Туда специально были доставлены предметы внутреннего убранства из дворца на Елагином острове.

Обеспечение пребывания японских гостей в Петербурге было возложено на церемониймейстера Императорского Двора, действительного статского советника Шереметева, назначенного Предводителем японского посольства. В организации встреч и приемов участвовали сотрудники Азиатского департамента Министерства иностранных дел: статский советник А.А. Татаринов, надворный советник Иессен и губернский секретарь японец В.И. Яматов (Татибана Косай). Именно Татибана Косай, прибывший в Россию с возвращавшейся из Японии миссией Е.В. Путятин (в России после принятия крещения его называли Владимир Иосифович Яматов), консультировал русских чиновников, отвечавших за прием японской делегации, и сделал все необходимые приготовления для того, чтобы гостям было как можно более уютно в Запасном дворце на Неве, а его покои хотя бы чуть-чуть походили на японское жилище. Все эти детали были положительно отмечены членами посольства, и японцы остались довольны тем, как был обустроен их быт во время пребывания в Санкт-Петербурге.

Накануне приезда японской делегации был составлен список вещей, необходимых японцам во время их пребывания в Запасном дворце:

«Вешалки для нескольких сабель, вешаемых вместе	— 3
для сабель, вешаемых отдельно	— 10
для пик	— 2
для полотенец	— 6
Деревянные изголовья	
Орехового дерева	— 5
Простого дерева	— 45
Подушечки в виде валиков	
Набитые ватой и крытые бархатом	— 5
Набитые ватой и крытые ситцем	— 45
Мешочки для отрубей	— 36

При умывании японцы вместо мыла употребляют пшеничные отруби, высыпая их в небольшие мешочки.

Чашки фарфоровые:

разной величины для риса и вообще употребления за японским столом

— 11 дюжин

Жестянки особого устройства со днами, имеющими дырочки

Жестянки употребляются для парения риса и каждая из них должна состоять из двух частей одна в другую входящих и иметь жестяные же крышки.

Из вещей, употребляемых в пищу, японцы предпочитают:

рыбу разного рода, в особенности семгу, карпов (сачаны), кур, уток, яйца, рис, кислую капусту, пикули, редьку, соленую и свежую, огурцы, макароны, вермишель.

Для приправы:

сою (японскую), уксус, перец, горчицу, хрен, лук репчатый и зеленый.

Вина:

красное, херес, шампанское.

Плоды:

апельсин, виноград, винные ягоды, яблоки.

Чай японцы пьют преимущественно желтый и зеленый» [2. Оп. 2. Д. 635. Л. 8].

По всей видимости, этот рекомендательный список составлялся при участии В.И. Яматова (Татибана Косай). Фукудзава Юкити догадался, что к организации приема приложил руку какой-то японец. О своем предположении Фукудзава написал в «Автобиографии» [1. Р. 136].

В Санкт-Петербурге члены японской делегации встречались и беседовали с генерал-губернатором А.А. Суворовым (внуком великого русского полководца), имели встречу с вице-канцлером и министром иностранных дел князем А.М. Горчаковым и вели переговоры с директором Азиатского департамента МИДа графом Н.П. Игнатьевым.

Кульминацией визита стала аудиенция у государя-императора в Зимнем дворце, проходившая 2 августа (по старому стилю). Дело в том, что в Лондоне японской делегации «было отказано в официальной аудиенции у английской королевы» [2. Оп. 1. Д. 379. Л. 16.], а вот в Париже японские гости были торжественно приняты императором Наполеоном III. После обсуждения данного вопроса было принято решение устроить прием японскому посольству в Зимнем дворце и провести его в соответствии с нормами, принятыми при европейских дворах. Таким образом должна была быть подчеркнута важность данного визита.

На основе архивных документов можно с точностью до минуты проследить весь ход церемонии и установить те залы Зимнего дворца, в которых побывали японские гости.

В 12 часов дня члены японского посольства вышли из Запасного дворца и сели в ожидавшие их у подъезда парадные золоченые кареты, за каждой из которых стояли по два лакея в парадных ливреях. Кортёж проследовал по Дворцовой набережной и остановился у посольского подъезда во дворе Зимнего дворца. При въезде во двор посольство приветствовал караул, отдавший соответствующие воинские почести. В 12.20 японские посланники торжественно вышли из карет и поднялись по парадной лестнице, сопровождаемые российскими официальными лицами. При входе их приветствовали выстроившиеся шпалерами егеря. Далее по коридору и на лестнице стояли лакеи, на средней площадке — камер-лакеи, а на верхней их встречали камер-фурьеры и камер-юнкеры. Шествие проследовало через Аванзал, где японских гостей приветствовал караул от роты дворцовых гренадер. Далее в Николаевском зале

их встретили церемониймейстер Челищев, директор Азиатского департамента МИДа граф Н.П. Игнатьев и исполняющий должность гофмаршала Ю.И. Стенбок. После непродолжительной беседы японских посланников пригласили к двум столикам, покрытым малиновой бархатной скатертью с золотой отделкой, которые стояли напротив портрета императора Николая I, и предложили им чай, фрукты и сласти. После чаепития и короткого отдыха в Концертном зале началась главная часть приема. В полном соответствии с тогдашним российским дворцовым этикетом японское посольство проследовало из Концертного зала через Николаевский, Аванзал, Фельдмаршальский, Петровский и Гербовый залы в Георгиевский зал, где обычно проходили аудиенции. Впереди шел секретарь посольства, который нес ящичек с верительными грамотами. Затем шли старшие посланники со свитой и за ними сопровождавшие их российские официальные лица.

Войдя в Георгиевский зал, члены японского посольства сразу же увидели стоявших перед тронном российского императора Александра II и императрицу Марию Александровну. За императором по левую сторону стояли Великие князья: Алексей Александрович, Николай Константинович и Николай Николаевич-старший, за императрицей по правую сторону — великая княжна Мария Александровна и великие княгини Мария Петровна и Екатерина Михайловна. Помимо членов императорской семьи в приеме участвовали вице-канцлер князь А.М. Горчаков, министры, члены Государственного совета, сенаторы, генералы, статс-дамы, фрейлины и обер-офицеры.

Ровно в 13 часов японские посланники при входе в Георгиевский зал приветствовали российского императора, императрицу и наследника престола поклонами. Дойдя до середины зала, повторили свое приветствие. Затем руководителям посольства предложили подойти к трону, и Такэноути, приблизившись к императору, зачитал текст послания по-японски, японский переводчик перевел его слова на голландский язык, а чиновник российского Министерства иностранных дел — на русский: «Ваше Императорское Величество! Исполняя повеление Его Величества Тайкуна [сёгуна. — Н.С.] мы удостоились сегодня чести представиться Вашему императорскому Величеству. Со времени заключения трактата [Симодский трактат 1855 г. — Н.С.] сношения обеих империй более и более развиваются. Вследствие сего, тайкун повелел нам доказать его чистосердечные чувства через поднесение его собственного письма и возобновить уверения, содержащиеся в трактатах. По сему случаю мы желаем благоденствия Вашему Величеству и счастья и преуспевания Вашему народу» [2. Оп. 1. Д. 378. Л. 26].

В приветственном слове Александр II подчеркнул дружественный характер отношений, установившихся между Россией и Японией, и выразил надежду на их развитие и упрочение в будущем. После обмена грамотами и представления Александру II всех членов посольства японские посланники, согласно этикету своей страны, не отворачиваясь от августейших особ и постоянно кланяясь, отошли к дверям Георгиевского зала. Отдав прощальное приветствие российскому императору, они перешли в Гербовый зал, где состоялись переговоры Такэноути с вице-канцлером князем Горчаковым. После переговоров и угощения посольство было доставлено обратно в Запасной дворец.

На следующий день члены японского посольства были вновь приглашены в Зимний дворец для осмотра его комнат и залов, а также побывали в Императорском Эрмитаже и Государственном совете.

Члены японской делегации с большим интересом познакомились с жизнью российской столицы. Они посетили Елагин остров, Ботанический сад, Пулковскую обсерваторию.

рию, Стекланный завод. Их возили в Колпино, Царское Село, Павловск и Петергоф, где показывали изумительные парки и царские дворцы [6. Оп. 6. Д. 1202. Л. 11–12.].

Пребывание в Петербурге первой официальной японской дипломатической миссии и прием, оказанный ей в России, свидетельствовали о складывании нового типа взаимоотношений между двумя странами. Начался процесс постепенного взаимного узнавания, которое могло стать ступенью к возникновению взаимопонимания. Тщательность подготовки и организация визита официальными лицами говорили о том, что российское правительство стремилось продемонстрировать послам из Японии, что они были в Санкт-Петербурге желанными гостями. Организаторы визита, благодаря тому, что к его обеспечению был привлечен служивший в Петербурге японец Татибана Косай, сумели создать весьма благоприятный климат для переговоров. Японские гости увидели, что в Петербурге знакомы с традициями и обычаями их страны. В свою очередь, в ходе визита японские представители смогли познакомиться с культурой и придворным этикетом России того времени, увидели достопримечательности Петербурга. Это было очень существенно в условиях расширения социокультурного взаимодействия двух стран.

Во второй половине XIX в. все более регулярными становятся контакты между Россией и Китаем. В 1866 г. в Санкт-Петербург прибыл китайский сановник Бинь Чунь, совершавший неофициальную поездку дипломатического характера по странам Европы. Свои впечатления о поездке он в дальнейшем изложил в отчете, представленном в Цзунли ямэнь после возвращения в Пекин [9]. Переводчиком и сопровождающим делегации Цинской империи был назначен замечательный китаевед, блестящий знаток китайского языка К.А. Скачков, который прожил в Пекине восемь лет и состоял на службе при Российской Духовной Миссии. Благодаря участию в приеме делегации такого специалиста, как К.А. Скачков, прекрасно разбиравшегося в культуре, обычаях и традициях китайцев, все было организовано и налажено так, чтобы не вызывать у китайских гостей отрицательных эмоций. К.А. Скачков старался сгладить все возникавшие проблемы и шероховатости. Вместе с тем, поскольку визит Бинь Чуня носил неофициальный характер, китайского посланника принимали в Петербурге не на самом высоком уровне.

7 июля члены делегации были приняты вице-канцлером А.М. Горчаковым и директором Азиатского департамента Министерства иностранных дел П.Н. Стремоуховым. Во время этих встреч Бинь Чунь постоянно подчеркивал дружественный характер отношений, сложившихся между Россией и Китаем, на протяжении последних ста с лишним лет.

Российская столица произвела на китайского посланника большое впечатление. В своем дневнике он отметил, что в столице России «здания широкие и высокие, дворцы полны блеска, так что столицу можно справедливо назвать венцом столиц всех государств» [9. С. 41]. Бинь Чунь впервые описал на китайском языке основные достопримечательности Санкт-Петербурга и его окрестностей, в том числе и очень популярный в то время, а ныне практически забытый сад «Минеральные воды», куда китайских гостей возили, чтобы делегация смогла отдохнуть и отвлечься от напряженной программы визита⁴.

Еще одна высокопоставленная китайская делегация побывала в столице России в 1870 г. Во главе миссии были поставлены три человека: цинские сановники Чжи Ган и Сунь Цзягу и американский дипломат А. Бурлингэм. Дело в том, что руководивший в то

время внешней политикой Цинской империи великий князь Гун и руководство Цзунли ямэня понимали, что успех миссии в значительной мере будет зависеть от знания норм международного права, дипломатического этикета, традиций и обычаев стран Запада и умения вести переговоры. Поскольку китайские чиновники имели обо всем этом весьма смутное представление, ключевой фигурой в составе посольства, по инициативе великого князя Гуна, стал американский посланник в Пекине Ансон Бурлингэм. Здесь можно провести определенные аналогии с назначением Петром I иностранца Франца Лефорта одним из руководителей русского Великого посольства в Европу в конце XVII в.

Представительная китайская делегация побывала в США, Франции, Швеции, Дании, Нидерландах, Пруссии, после чего прибыла в Санкт-Петербург. В российской столице официальных гостей принимали на более высоком уровне, чем Бинь Чуня. Министерство Императорского Двора, проведя консультации с Министерством иностранных дел, приняло решение организовать прием китайской делегации в соответствии с нормами, применявшимися при приеме высокопоставленных европейских посольств, тем самым высоко оценив значимость прибытия делегации из Китая.

4 (16) февраля 1870 г. состоялась аудиенция в Зимнем дворце, в ходе которой А. Бурлингэм и китайские дипломаты были представлены императору Александру II [5. Оп.1. Д.1349]. Прохождение членов посольства по залам и галереям Зимнего дворца было продумано с огромной тщательностью. При этом караул, состоявший из казаков и дворцовых grenадер, отдавал делегации все положенные в подобных случаях почести.

Однако успешно начавшийся визит имел трагическое продолжение. На следующий день после аудиенции А. Бурлингэм простудился, тяжело заболел и 11 (23) февраля 1870 г. скончался от воспаления легких в гостинице Клея (эта гостиница принадлежала немцу Г.К. Клее и находилась на месте современного гранд-отеля «Европа»). Руководство миссией полностью перешло в руки Чжи Гана, со скорбью описавшего все произошедшее в своем дневнике [10. С. 90–91]. Связавшись по телеграфу с Пекином, Чжи Ган и Сунь Цзягу получили указание не только не прерывать свой визит в Петербург, но и посетить все запланированные страны.

Кончина главы китайской делегации усилила интерес российской прессы к визиту. Информация о действиях китайских дипломатов появилась во всех петербургских газетах. Члены делегации встречались со многими представителями петербургской знати, включая членов императорской фамилии. Китайские посланники продолжили знакомиться с достопримечательностями Санкт-Петербурга и пригородов, посетили музеи, которые, судя по дневнику Чжи Гана, произвели на них большое впечатление [10. С. 93–94]. Важной частью их визита стали встречи с членами императорской фамилии: наследником-цесаревичем и его супругой, братьями императора.

Пребывание китайской делегации в Петербурге продолжалось более двух месяцев. 4 (16) апреля состоялась прощальная аудиенция у императора Александра II. Чжи Ган отметил в своем дневнике, что русский император был очень внимателен и спрашивал, как китайцы переносят русский мороз, а также пожелал делегации успехов в развитии российско-китайской торговли и счастливого пути [10. С. 97].

Подводя итоги, следует признать, что побывавшие в Петербурге в третьей четверти XIX в. дипломатические миссии из Японии⁵ и Китая⁶ сыграли существенную роль в процессе социокультурного взаимодействия стран Дальнего Востока и России. Дипломатические отчеты, дневники и другая информация, накопленная ими в ходе визитов,

имели большое значение в деле распространения знаний о России в Китае и Японии. В то же время сами визиты и пребывание посланников из далеких и для того времени экзотических стран способствовали обогащению представлений российского общества о других народах и их культурах, давали материал для последующего налаживания культурного диалога, что позволяет рассматривать их в качестве своего рода трансляторов коммуникационного кода, о чем говорилось в начале статьи.

Особо следует отметить роль отдельных личностей в этом процессе. Находившийся на российской службе японец Татибана Косай (В.И. Яматов), замечательный русский китаевед К.А. Скачков и американский дипломат и политический деятель Ансон Бурлингэм сыграли огромную роль не только как интерпретаторы иной культуры, но и как непосредственные ее трансляторы, способствуя процессу формирования нового коммуникационного кода социокультурного взаимодействия.

Примечания

¹ В данном случае имеются в виду Китай и Япония. Через несколько десятилетий аналогичные процессы начались и в отношениях России с Кореей и Сиамом.

² На самом деле первое японское посольство прибыло в Европу задолго до этой миссии. Это произошло в 1613–1620 гг., и возглавлял его Хасэкура Цунэнага, совершивший путешествие из Японии в Ватикан.

³ В настоящее время здание, расположенное по адресу: Дворцовая набережная, д. 26, имеет иной вид, нежели в 1862 г. В 1867–1872 гг. здание было перестроено по проекту архитектора А.И. Резанова, который придал главному фасаду дворца облик флорентийского палаццо XIV–XV вв. В настоящее время в доме № 26 по Дворцовой набережной располагается Санкт-Петербургский Дом ученых, открытый в 1920 г.

⁴ Подробнее о пребывании Бинь Чуня в Петербурге см.: [9. С. 41].

⁵ В рамках рассматриваемого периода Россию посетила еще одна представительная японская делегация во главе с полномочным послом Ивакура Томоми (1825–1833), в которую входили около 50 чел. В 1871–1873 гг. эта миссия совершила кругосветное путешествие, побывав в США и многих европейских странах, включая Россию. Личный секретарь Ивакура Томоми — Кумэ Кунитакэ (1839–1931) — в 1878 г. опубликовал 5-томный отчет о поездке, где можно прочесть любопытные суждения о России.

⁶ Сведения о том, как еще один китайский дипломат — Чжан Дэи — описал свои впечатления о пребывании в России, содержатся в интересной работе Д.Н. Воскресенского [7].

Литература

1. The Autobiography of Yukichi Fukuzawa / Translated by Eichi Kiyooka. New York; London, 1966.
2. Российский государственный исторический архив. Ф. 469. Придворная Его Императорского Величества контора Министерства Императорского Двора.
3. Российский государственный исторический архив. Ф. 470. Гоф-интендантская контора Министерства Императорского Двора.
4. Российский государственный исторический архив. Ф. 472. Канцелярия Министерства Императорского Двора.
5. Российский государственный исторический архив. Ф. 473. Церемониальная часть Министерства Императорского Двора.
6. Российский государственный исторический архив. Ф. 477. Придворная конюшенная часть Министерства Императорского Двора.

7. *Воскресенский Д.Н.* Записки китайского дипломата о западных странах (Лондон; Санкт-Петербург: конец XIX века). М., 2003.

8. *Новгородская Н.Ю.* Малоизвестный визит в Россию китайского дипломата // «И не распалась связь времен...»: К 100-летию со дня рождения П.Е. Скачкова: Сб. статей. М., 1993. С. 246–256.

9. 斌椿。乘槎笔记。长沙：湖南人民出版社，1981。(Бинь Чунь。Путевые записи. Чанша: Хунань жэньминь чубаньшэ, 1981).

10. 志刚。初使泰西记。长沙：湖南人民出版社，1981。(Чжи Ган。Записи о посольстве на Запад. Чанша: Хунань жэньминь чубаньшэ, 1981).